

ТА НЕВЕДОМАЯ, ДОБРАЯ СТРАНА

Детская литература нашего края насчитывает несколько прочно утвердившихся имен: П. Мелибеев, М. Усов, А. Екимцев, А. Петрушенко, Л. Епанешников. Книги этих авторов написаны на разнообразные темы, и чувствуется, что благородное дело приобщения детей к искусству понимается в большинстве из них неотрывно от задачи идеологического и нравственного воспитания. Но это только самая общая оценка. Как конкретно осуществляется этот синтез педагогики и эстетики, как объединяются в нашей детской литературе художественная правда с правдой детского мировосприятия, и всегда ли она действительно верна, эта художественная правда, в каждом отдельном случае? Попробуем ответить на эти вопросы, исходя из анализа только одной пока стороны творчества наших детских авторов, из анализа одной темы, очень на наш взгляд, важной и интересной — темы природы.

Первое знакомство с миром у ребенка происходит через соприкосновение с природой: с цветочком и божьей коровкой, с червячком и бабочкой, с кошкой и собакой, с солнышком, дождем, снегом. Позже все это становится привычным, обыкновенным, но, наверное, никогда не изгладятся из памяти первая рыбалка и первый костерок в лесу, впервые изведенный страх от крика ночной птицы и буйная радость кувыркания в свежем сене, веселая грибная удача и собранный для мамы в городской аллее такой необыкновенный букет желтых кленовых листьев. Да мало ли! Море с его медузами и крабами, с волнами и лунными дорожками; снежные зимние развлечения; первые встречи со зверями (только не в передвижном зоопарке); путешествия втайне от взрослых по карьерам; даже набеги на чужие сады с зелеными еще яблоками — тот был счастлив, кто изведал это! Может быть, именно тогда, когда общение с природой органично, инстинктивно проявляется у ребенка тяга к родной стихии, от которой отгородился человек каменными стенами.

«Приходилось ли вам

прислушиваться к шуму деревьев в разные времена года?» То безрадостный и односложный в заиндевевших ветвях, то тысячелистный «зеленый шум» летом в густой кроне, то прощальный после мягкой тишины опадающих листьев,— и вот негромкий голос ветра уже не, сливается с трепетом листвы, онемели деревья — и только ветер.

Это открытие для себя, открытие поэтическое.

Или вот: надломленная грозой акация цветет осенью в последний раз, чтобы попрощаться с жизнью. Опять поэтическое открытие для себя, подсказывающее жизненный урок уже для всех: оставляй после себя красоту.

А вот человек заметил, как тонкоствольная ивушка ранней весной, еще не распустив свои почки, засветилась вся радостным желтым сиянием. Он снова открыл для себя «улыбку весны» и показал ее людям. В другой раз сквозь снежные вихри увидел радугу. И опять радость поэтического открытия. Так рождается у писателя М. Усова творческое кредо — мысль о том, что в красоте окружающей природы существует богатство, действующее на душу человека. Это богатство щедро разбросано в каждой повседневной мелочи — только оглянись и посмотри внимательно. Такой подход к жизненному материалу дает писателю право показывать свои открытия детям.

Другой художник — другой взгляд на мир:

На	кустарник	иной
Белый	плащ	набросил.
Шепчет	дуб	осине:
Осень. Снова осень!		

Шепчут друг другу вербы, ивы, ели, предчувствуя тревожную осеннюю пору. Теплый летний дождик озорничает, как мальчишка-забияка, а потом жалуется: «Я устал, я шел полдня». Березки прячутся от ветра за хатой, бородатый туман осторожно садится на плетень, речка учится писать буквы. Это тоже свое открытие — своеобразное современное

язычество, когда не просто природа напоминает о жизни человека, о человеческой душе, а когда природа сама живет человеческой жизнью. Это стихи А. Екимцева. Но его художественное открытие мира, его детское язычество не склонно к тотемизму, наоборот, эту единую с человеком природу он любит, не поклоняясь ей, он заводит с ней дружбу, он играет с ней, как играют друг с другом дети, доходя до шумной возни, до озорства, до насмешки. В самом деле, случилось петухам подраться между собой — и померк белый свет от петушиного пуха. Зайцу захотелось напугать охотника и отнять у него ружье, рыбке поймать рыбака, а звери от испуга перепутали своих детей:

Копает слоненок в овраге нору,
Таскает лисенок бревна в бору,
Сосет свою лапу в берлоге ежонок,
С ежихой ловит мышей
медвежонок.

Творческое открытие здесь не в том именно, что поэт придумал забавный перевертыш, а в его восприятии жизни вообще — веселом, добром, оригинальном. Его художественный закон — закон детского возраста, органичное единство человека с природой, нераздельность их духовной жизни. И он очень хорошо может использовать этот закон в воспитательных целях.

И М. Усов и А. Екимцев понимают и любят детей, они имеют право писать для них.

В крошечных зарисовках М. Усова птицы, зверьки, жуки сродни человеку, это его младшие братья, особенно если человек — ребенок. На отношении к ним порой проверяется человеческая доброта, человеческая щедрость. Два мальчика, Валера и Сережа, нашли ласточонка. Оба охотно начали кормить его, радовались находке. Но когда наступило время подумать не о собственном развлечении, а о судьбе ласточонка, стало ясно, в чьей душе может найти отклик чужое горе, а чья принадлежит будущему эгоисту. В другой миниатюре рассказывается о жаворонке, который, спасаясь от нападения ястреба,

нырнул под мышку мальчугану, и в сердце ребенка, до этого мечтавшего о любой птахе как о добыче, появляется способность защитить беспомощное существо, доброта сильного. Чувство здесь искренне, понятно, возникает без натяжек, естественно. В своих миниатюрах о природе М. Усов достигает наибольшего нравственного воздействия там, где появляется в качестве действующего лица какое-нибудь живое существо, где есть хотя бы незначительный элемент сюжетного построения, т. е. там, где автор выходит за пределы простой зарисовки, отвлекается от чистой созерцательности.

М. Усов воспринимает мир глазами лирика. Его заметки о природе постоянно бьют в одну точку: если ты любишь родную природу, родной край, для тебя не будет некрасивого дерева или куста, не будет умирающего снега и высыхающих капель, не будет злых и неинтересных зверюшек и птиц. «Нет безобразья в природе». Вслед за автором читатель увидит жемчужное ожерелье из застывших от мороза капель, услышит, как постукивает о землю твердыми коричневыми каштанами осень, извещая о своем приходе, пронаблюдает, «как зимняя зорька поднимается», и, наверное, оценит выразительную живопись этого описания, воспримет его не только душой, но и глазом. Это как бы записные книжки писателя, приоткрывающие для нас завесу над процессом творчества, создающие портрет человека, влюбленного в мир, им изображенный, влюбленного до трогательности, порой до умиления.

Но давно было замечено Тургеневым, что «природа — не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Природа — поприще труда. Никто, конечно, не собирается понимать эту мысль исключительно утилитарно. Человек, любящий свой труд, будет любить и свою мастерскую, и чем эта мастерская красивее, тем лучше, тем человек-работник сам становится богаче. Но нравственное воздействие произведений о природе, делающих акцент на изображении красоты ее, тем вернее, чем меньше в них тот самый элемент «моления», против которого

высказывался в свое время Базаров.

Усов пишет о влиянии природы на человека. В рассказе о ласточонке это приобретение душевной многогранности, привычки заботиться о незащищенных. Это необходимо, даже если описанный писателем случай сам по себе незначителен, и новые качества детского характера ограничиваются на первых порах простой жалостью. В другом рассказике «Боярышник у дороги» говорится о мужестве, рожденном добротой, и о доброте, рожденной мужеством. Старый боярышник в любую погоду показывает дорогу людям, и ничья рука не поднимается срубить его. Здесь именно та хорошая символика, которая возникает из жизненности образов и потому действует на непосредственное чувство. То же самое можно сказать и о названных выше усовских миниатюрах.

Но посмотрим еще. «Янтарный вечер». Он сказочно красив, в нем есть что-то «заораживающее», «волшебное» — все наполнено желтым светом осени. «И хочется, чтобы каждый увидел его недолгую красоту. Остановился бы на пороге квартиры, на улице, у окна, и, забыв обо всем, смотрел и упивался чудесным осенним закатом». М. Усов умеет видеть краски, его пейзажи сделаны сочными мазками, обычно в одном цвете, но со множеством оттенков,— и в этом их своеобразие. Но попробуем определить точный адрес зарисовки. Кому написан «Янтарный вечер?» Наверное, не ребенку, и прежде всего потому, что детям органически чужда простая созерцательность. Ребенок не будет, «забыв обо всем, упиваться» природой, его одолеют любопытные откуда? и почему?, он перенесет себя в это желтое царство, населит его волшебными существами и заживет с ними жизнью, пусть невероятной, но активной, полноценной, отдастся этой жизни искренне, вполне. Яркий образ, преподнесенный художником, сможет оценить, пожалуй, взрослый, и он, может быть, попробует вслед за писателем отыскать его сам, увидеть глазами Человека, рассказавшего об этом. Но, думается, взрослому нужно от художе-

ственной литературы несколько больше.

А вот рассказ о белых пушинках. Серое лохматое небо, молчат даже воробьи, лишь петухи горланят. Пролетела пушинка, похожая на белую иголочку, упала на пальто и растаяла. «Э, да это снежинки! Крохотные-прекрохотные, из белых иголочек». Странно звучит здесь удивление автора. Что же здесь удивительного? «До самого вечера неторопливо шел первый снежок из белых иголочек. А вечером растаял». Поневоле уже теперь читатель удивляется — и это все? А зачем это? Нет здесь привлекательного цветового колорита, нет никакой психологической, нравственной подоплеки, нет сюжетной занимательности, нет даже стилистической законченности. Есть простая любительская фотография, которая могла бы как-то заиграть в большом художественном тексте, но не представляет интереса как отдельное произведение ни для детей, ни для взрослых. То же самое в рассказе «Лягушка-древесница», где описательный конец совершенно разрушает и сюжетное единство рассказа, и адресованность его детям. Автор пишет о том, как он увидел древесную лягушку, уже будучи взрослым человеком.

«Сколько невиданных заморских растений перенесла сюда рука садовника! Агавы, кактусы, поражающие собой, своими размерами и формой. Но не их видит, не ими любит мой восхищенный взор». Любуется изящной лягушкой. Здесь мы сталкиваемся именно с «молитвенным» отношением к природе. Оно, к сожалению, довольно часто в миниатюрах М. Усова и выражается в словах «любуюсь», «восхищенный взор», «упиваюсь», «как замороженный», «не оторвать глаз», «восторг и восхищение» и т. д. Это не для детей, но и не для взрослых. Это скорее всего для себя и от себя. «Нет, никогда не надо подходить к природе от поэта, нужно делать всегда наоборот, иначе одно нечаянное слово, случайный взгляд могут совершенно испортить картину», — писал когда-то Пришвин. Вчитываясь в миниатюры М. Усова о природе, иногда начинаешь ощущать, что писатель вдруг теряет грань между значительным и

незначительным, между истинной красотой и случайной красотостью момента, а главное, между высокой нравственной ценностью воздействия природы на человека и простой назидательностью, всегда отталкивающей человека, особенно такого чуткого, как ребенок.

Есть у М. Усова отличные рассказы «Белая трясогузка», «Егоркин приемыш», «Улыбка весны», «Раненый лес» и другие, раскрывающие внутренний мир человека, единого с природой. Есть любопытные зарисовки различных явлений природы, имеющие непосредственно познавательную ценность: «Скворчиная зима», «Растрепанная барыня», «К вершинам», «Желтый баранчик», «Кустарница» и т. д. Но рядом, с ними встречаются досадно мелкие, натуралистические зарисовки, и мораль, иногда заключающая их, не воздействует на человека, потому что мораль может быть выводом из подтекста, из наблюдений «второго зрения» художника, а этого в них нет. Например, заметил автор на одном доме подоконники чуть пошире других, а жильцы на этих подоконниках птичью столовку устроили. «Или каменщик эту думку имел, кладя на полкирпича подоконник пошире, то ли жильцы сами нашли ему такое применение, но вот ведь как хорошо получилось», — восклицает автор в заключение. Конечно, хорошо, — согласимся мы, но разве это «открытие»?

Жанр лирической миниатюры имеет свои законы, и первый из них — внутренняя афористичность содержания. Вчитайтесь в подобные маленькие рассказы Пришвина. Внешне непритязательные, но глубокие по мысли — это рассказы, где есть простор раздумьям, где прячется большой внутренний смысл. И всегда строчки, наполненные философской поэзией, мысль которых, несмотря на конкретность выражения, отвлеченно афористична, адресованы взрослым. А в тех рассказах, что обращены к детям, меняется и лицо автора. Не становясь ребенком, он «поднимается до уровня ребенка», говорит с ним его понятиями, бережит его детские чувства. Если он обращается к детям, то его рассказы — это чудеса, но «не

как в сказке о живой воде и мертвой, а настоящие, как они совершаются везде и всюду и во всякую минуту нашей жизни, но только часто мы, имея глаза, их не видим, имея уши — не слышим». По-видимому, именно эту часть творческого завещания Пришвина старается воплотить в своих миниатюрах о природе М. Усов. И досадно, когда успешное продолжение традиции нарушается неожиданно фальшивым голосом.

Работа писателя продолжается, уже в нескольких книжках собраны его миниатюры о природе. Наиболее значительные из них — «Листья на снегу», «Под солнцем и ветром», «Степные пригревки». Тема природы — важная и богатейшая тема как в детской, так и во взрослой литературе, жанр, избранный М. Усовым, редкий и оригинальный, писательское его перо выработало свой стиль. Но то, что сделано раньше и делается теперь, должно быть проверено новыми, более строгими творческими критериями.

В одном из номеров «Ставропольской правды» за 1972 год впервые опубликованы маленькие рассказы М. Усова «Как ласточки глину месят», «Нежданное цветение», «Подсолнечник за решеткой». Первые два представляют собой простые наблюдения любителя природы, в последнем есть попытка нравственного решения проблемы. Рассказ «Нежданное цветение» — о боярышнике, который зацвел осенью. Тема эта не новая для М. Усова. Он уже писал об акации, распутившей свои цветы накануне гибели. Но если там получилось лирическое стихотворение в прозе, где хороший психологический подтекст делал восприятие природного явления многогранным и человеческим, то здесь с трудом улавливается, о чем же хотел сказать писатель. Дано хорошее описание, взят любопытный факт. Но вывод слаб. «Как радуется неожиданное цветение лесного кустарника! Холодеют дни и ночи, насупившись, надвигаются туманы, забираются и в лес, но закрыть от людского взора боярышник-не могут». В другом рассказе «Подсолнечник за решеткой»

звучит большая мысль: ничем не победить живое стремление к солнцу, как бы ни слабо было существо, которому солнце дает жизнь. Название здесь явно не соответствует замыслу. Пусть боль, пусть даже гибель — но ведь впереди прекрасное, надежда и вера в него. Эта тема андерсеновской «Русалочки». Действительно, подсолнечник расщепил надвое зеленую головку цветка, чтобы сквозь подвальную решетку полыхнуть теплым желто-оранжевым светом навстречу солнцу. Тема вечного стремления к счастью, но подтекст рассказа мог быть богаче, если бы не некоторая интонационная обыденность, снижающая романтику художественного изображения события.

Когда мы говорим о теме природы в литературе, то почти всегда основным лейтмотивом наших рассуждений является мысль о богатстве воздействия природы на человека, о любви к красоте. Мы ищем в таких произведениях чудесную дорогу в страну без имени, сказочную мечту детства, оставленную на бумаге прищвинским талантом, манящую обещанием радости и постоянной новизны. Мы говорим о преобразовании природы человеком, о том, что реки текут, куда захочет человек, что ветер укрощается волею человека, плещутся новые моря, выращиваются замечательные плоды. Мы хорошо понимаем, что без чувства родной природы не может быть чувства Родины.

Это, пожалуй, главное, что необходимо всегда, каким бы ракурсом ни была повернута к нам сама тема. Этому служит пробуждаемая усовскими рассказами тяга к простым и все-таки замечательным будням родной природы.

Об этом же, но по-другому, написана поэма А. Екимцева «Брянский лес».

Много разных есть лесов,
Только мне-то все же
Изо всех земных лесов
Брянский лес дороже!

И вот этот-то лес, полный полянок с земляникой, кленов со сладким соком, с грибами и родничками, с оленями и ежами,

пытались убить фашисты, пытались сделать несуществующей силу и красоту, изобилие и одухотворенность. Главная мысль поэмы — мысль о Родине. Брянский лес живет в памяти нашего народа как легендарное место партизанских боев, он воплощает в себе мощь народной войны, молчаливую грозу народного гнева. Он же — символ мужественного, сурового страдания, «раненый лес», как пишет о нем М. Усов. Это же представление о Брянском лесе лежит в основе поэмы А. Екимцева. Но если мы скажем, что это поэма о войне, то мы явно сузим ее мысль. Да, о войне, со всеми ее атрибутами: выстрелы, пожары, раны, смерть. И тем не менее это поэма о лесе, в том объемном понимании его, как это у Л. Леонова, о лесе, сосредоточившем в себе множество человеческих характеров, единых в одном патриотическом порыве. Здесь большая любовь к каждому дереву и каждому зверю, — именно она дает поэту вдохновение, чтобы так зримо передать картину гибели леса:

Черным взрывом опален,
Развернувшись слепо,
Все цеплялся старый клен
За родное небо.

Или:

Суматоха тихих троп.
Кровь июльских ягод.
Пень хватается за лоб,
Корчится коряга.
Взрывы.
Пламя. Сучьев треск.
Каркающий ворон.
Гибнет старый Брянский лес
От фашистской своры!

Лес живой, очеловеченный, но это лес в том самом реальном виде, как он существует независимо от человека. Он выступает как самостоятельная действующая сила, солидарная с человеком. А. Екимцев сохраняет звуки леса, формы леса, но для врага все это становится угрожающим:

Расшумелись глухо сосны,
Ель вздохнула тяжело.
На врагов взглянуло косо
Одноглазое дупло.
Ухнул филин. Каркнул ворон.
Обернулся куст ежом.
Прошлогодних листьев ворох
Прошуршал в траве ужом.
Из-за сосен, из-за взгорья
Солнца луч блеснул штыком,
Молчаливо черный корень
Пригрозил им кулаком.

Поэма написана для детей, при этом для маленьких (младшего школьного возраста). Сдержанная печаль тех строк, где говорится о вечной памяти павшим, суровая радость в тех описаниях, которые показывают победы партизан, сочетание мирной тишины сегодняшнего дня с голосами тяжкого прошлого боя, чуткое, любовное изображение того, что всегда находит отклик в детской душе — горя и тревоги лесных обитателей,— все это создает определенный тонус, воспитывает нравственную, психологическую готовность человека к защите жизни. Формирующийся характер впитывает в себя гордость и чувство достоинства, способность к борьбе за высокий идеал, встающий со страниц поэмы в образе «богатыря богатырей» Брянского леса. Так расширяется тема природы, включаясь в процесс нравственного воспитания маленького человека, объединяя в себе многие оттенки гуманистического отношения к жизни.

Гибель леса — трагедия жизни. Совсем не по поводу поэмы А. Екимцева возникают некоторые мысли, связанные с разнообразием вариантов анализируемой темы. Один из вариантов художники до сих пор предпочитают оставлять публицистам.

...Когда-то на земле росли гигантские растения — теперь их нет, условия не те. Не очень давно на земле можно было видеть прекрасную птицу фламинго, не в зоопарке и не в заповеднике — теперь их считанное число, условия не те. Недавно и журавли не были редкостью, и наши не так уж далекие предки возмущались: «Повадился журавель на бабкину конопель». Теперь увидеть

журавлиный косяк — почти чудо. Уже на памяти нынешних молодых людей пригородный лес около Ставрополя наполнен был птичьим щебетом. Обыкновенные были птицы: щеглы, пеночки, синицы. Зайдите туда летом теперь — тишина. Редкий писк звучит удивительно одиноко. Куда девались птицы? Или условия не те? Нет, природные условия те, солнце, растительность, климат — все подходящее. Птиц выселил человек. Химическая обработка, которой подвергается лесной массив, достигает и противоположной цели. То же самое в поле. Пролетел самолет-труженик, и оставил на земле молчаливые перепелиные тельца. А в городских зеленых зонах — свалки, мусор, срубленные столетние дубы. Рядом с заповедниками, где охраняется первозданный животный и растительный мир — обреченность этого мира среди людей. Мы пишем еще о журавлином небе и журавлиных днях. Но это уже романтика. А может быть, надо подумать и о воробьиных днях?

Писателям, раскрывающим тайны и красоты родной природы, время само велит обратиться к этой теме. Создать образ живого существа, трагически гибнущего не от руки врага, а от руки того, кто должен быть другом. Подумать о ребенке, которому мы стараемся внушить любовь к «зверью», как «нашим братьям меньшим», и который отчетливо видит пусть непреднамеренное, но планомерное уничтожение этого «зверья»...

В стихах А. Екимцева, как и в маленьких рассказах М. Усова, природа всегда добра. В этой именно доброте сходство двух таких разных взглядов на мир, в этом сближается внутреннее содержание таких не похожих между собой жанров. Наши дети должны быть добрыми, тогда, подрастая, они смогут принять в себя те благородные идеалы человеческого счастья, ради которых пойдут «на жизнь, на подвиг и на смерть».

У А. Екимцева есть много отличных стихов для детей, где явления природы, извлеченные в качестве темы, возвращаются по своему точному адресу, наполненные живым поэтическим мироощущением, хорошо

соответствующим мироощущению ребенка. У этого поэта любовь к ребятам неотделима от любви к зверьям, цветистый мир детства настолько тесно слит с разнообразным миром природы, что трудно бывает сказать, что больше занимает его, ребячьи ли характеры (безусловно!) или одушевленный по-человечьи характер окружающей природы (и здесь наблюдения А. Екимцева наполнены живым чувством и выражены точным словом). Просыпается свежее утро — поэт видит хитровато-простодушного дедушку Тумана, который объединяет в себе сказочность детского восприятия и взрослую поэтичность объемного художественного образа. Метет ли зимняя вьюга — он слышит в ней беспомощный плач капризного ребенка, который сам виноват в своей беде, он хочет помочь ей, разговаривает по-доброму, улыбаясь тепло и снисходительно, и в то же время вьюга остается в стихотворении вьюгой, природа не перестает быть природой, не превращается в человека, не «обезличивается». Ночь ли наступила — в стихах звучит рожденная любопытным детским воображением таинственность, разгибают свои спины дорожки, которым надоело лежать на одном боку,— но образ летней ночи остается точным, здесь и темнота, и тишина, и звезды, здесь хорошо созданное настроение.

Вот такое сочетание детскости и взрослости в стихах, где нет банальности образов, где хорошо соблюдена эмоциональная правда, придает им большую воспитательную значимость. Здесь действует не мораль, А. Екимцев не подталкивает ребенка, чтобы тот специально задумывался о природе и ее сходстве с человеком. Он делает так, что маленькому человеку просто становится хорошо после чтения его стихов: или весело, смешно, или удивительно, или любопытно, или грустно, или беспокойно, или задорно. Чтобы воспитать человека, надо прежде всего воспитать его чувства — это закон поэзии, тем и сильно искусство. Когда речь идет о литературе для детей, то изображение природы дает благодатный материал. Недаром народная мудрость

адресует детям свои сказки о животных, песенки о птичках, загадки о растениях.

Ребенок ощущает нужду в природе не меньше, чем в материнском внимании. Как жаль, что сейчас городские дети иногда лишены самого элементарного общения с животными. Петуха они видят по телевизору, и то преимущественно в мультфильмах, корову узнают по картинкам, а порой наивно мечтают: «А я, когда вырасту, заведу себе козла!» Сейчас-то нельзя, это малыш понимает, а вот что нельзя будет, даже когда он станет взрослым, он понять не может. (Замечали ли вы, что деревенские дети ласковее и доверчивее, нежнее, несмотря на внешнюю неотесанность, и добрее!)

Конечно, в таком положении вещей трудно что-нибудь существенно изменить. Тем большее значение приобретает литература, те самые книжки, которые наши дети любят всегда. Нужно только отчетливое представление о том, кому предназначено написанное, и о той цели, которой оно должно достигнуть. При этом самые большие опасности, которые подстерегают художника, взявшегося за тему природы — созерцательность, уничтожающая внутреннюю динамику жизни (а ведь без этой динамики не существует природы, и только человек «способен» иногда погубить ее в своем представлении), и сентиментальность, переходящая в самолюбование. А рядом с ними шагает и невзыскательность к самому себе. Эти враги сильны тем, что подкрадываются незаметно, затуманивая глаза писателя ложными картинками внешней красоты и подделками под искреннее чувство.

Не всегда избегает этих недостатков и А. Екимцев. Так, в стихотворениях «Карта зовет в поход», «До свидания», «Сенокос» и некоторых других он отступает от конкретности художественного мышления, образы его становятся расплывчатыми, ходячими.

До свиданья, шум деревьев,
Потемневшая вода.
Уезжаем мы в деревни,
Уезжаем в города.
Ждут нас встречи, книги, карты,

Ждет нас первый наш урок,
Краской пахнувшие парты
И разливчатый звонок.

В других строчках
жизнерадостность подменяется слишком
общим пафосом:

Вы, березы, не тужите,
Выше головы держите!
Веселей вокруг смотрите —
Хорошо в родном краю!

Где здесь такая привлекательная
авторская усмешка, где оригинальность
жизненного мировосприятия? Авторская
индивидуальность исчезает. Такие стихи
мог бы написать каждый.

Иногда А. Екимцев, наоборот,
злоупотребляет живостью и разнообразием
своего индивидуального писательского
ощущения. Игровые ритмы, множество
названных в стихах впечатлений, веселое,
непосредственное чувство жизни хороши в
таких стихах, как «Дорожки-длинноножки»
или в более поздних «Что творится за
горами», где все это играет на основной
замысел и возбуждает у ребенка именно
необходимые эмоции. Но в чисто
описательном стихотворении, задача
которого скорее дать почувствовать
красоту времени, пейзажа, задержать
детское внимание на отдельных картинах,
все это становится лишним, мешает
эмоциональной целостности и явно
снижает поэтическое воздействие стиха
(«Лето»):

Солнце греет.
Жарко греет,
На пригорках
Рожь буреет.
В небе синем,
В небе ясном
Все парит
Глазастый ястреб.

.....
С поля, с луга,
Мимо сада
Жгучий овод
Гонит стадо.
Теплый ветер
Сено сушит,

Зреют яблоки
И груши.

Очень вредит стихотворению и та
же созерцательность.

А. Екимцев хороший поэт. Но кому
много дано, с того многое и спросится.
Хотелось бы видеть не просто многие пе-
реиздания одних и тех же хороших стихов,
а новые произведения, по которым можно
было бы судить о творческом росте поэта.

Путешествовать с авторами,
пишущими о природе, можно еще долго.
Остается пожелать, чтобы это
путешествие совершали с ними как можно
чаще их читатели, чтобы они открывали
для себя радужную неведомую страну, в
которой глаз становится зорче, слух
тоньше, сердце добрее. Ту страну, которая
живет своей одухотворенной жизнью и
всегда готова поделиться своими
богатствами с теми, кто придет в нее с от-
крытой душой, руками строителя и лю-
бовью к жизни. «Та неведомая страна без
имени и есть моя Родина» (Пришвин).

ТАТЬЯНА ЧЕРНАЯ.